

0:1 в пользу в(б)реда

Миров А.Я.

Миров А.Я.

0:1 в пользу в(б)реда

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Миров А.Я.

0:1 в пользу в(б)реда / Миров А.Я. — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Можно прожить всю жизнь в любви. Или жить, всю жизнь любя. Бросить всё на преданность. В итоге остаться с предательством. Жизнь — рулетка. Ваши ставки, дамы и господа.

Содержание

*	5
**	9
***	14
****	19
*****	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Майский ветер трепал деформированные улыбка ми ланиты прохожих. Трепал совсем безболезненно, скорее шутя. Ведь, несмотря на то, что от зимы в мыслях не осталось и следа, телеса многих ещё хранили на себе страхи замёрзнуть. Эдакие прослойки иммунитета. Не панацея, конечно, но подобие талисмана, где вера обязательно побеждает грехи эстетики.

Неуспевшие сбросить лишнее чинно прогуливались по обветренному проспекту, как бы невзначай удерживая взгляд от дразнящих отражением витрин. Вовремя спохватившиеся горделиво пробежали мимо, периодически вляпываясь плачущими по потерянным килограммам одежда ми в избежавших потери сии. Чертыхались. И те, и другие. Презрительно распылив извинения, бегуны оставляли неспешно крадущихся в возмущённом одиночестве.

Некогда. Совершенно некогда простаивать. На заветную стройность взяли курс оголенные велосипедисты. Просвистывая в нервнующей близости, всадники двух колёс хлещут пешеходов и пешебегов дорожным равноправием. Худеющие преимущественно за счёт ног, встряхивая взмокшей головой, пускаются вскачь, сверкая прилипшими ко лбу волосами. И даже планирующие фланировать, запихая стыд поглубже в складки, как-то пусть нехотя, но ускоряют свой увесистый шаг. Потому как жизнь не стоит на месте. Всё течёт, все изменяются. Сегодня обгоняет вчера. Весна торопится быстрее нырнуть в лето. А Александр Александрович Бордюров, настроенный к бегунам и прочим мечтателям о красивом теле весьма скептически, перепрыгивая ляпсусы дорожников, спешит в Центр Кардиологии.

В ЦеКа, как норовит обозвать всяк знакомый вон с тем ярко-зелёным зданием.

– Салатовый такой домик, – объясняла Александру Александровичу его невеста Ангелина Ароновна. – Как спустишься с моста, завернёшь направо, так сразу его и увидишь. Не заблудишься, даже если захочешь.

– И почему «салатовый»? – снова удивился Бордюров, глядя заветному строению в раскосые стеклопакеты.

Ни на один ранее пробованный салат цвет медицинского учреждения совершенно не походил. Разве что на латук, искромсанный за компанию с капустой и огурцами, но таких изысканных для среднестатистического мужчины яств Александр старался избегать.

– Фигуру боишься потерять? – смеялась Ангелина над женихом, что закусывал румяный окорочок сначала классическим оливье, а после не менее образцовой сельдью под шубкой.

– Один раз живём, – вырывалось из набитого рта. – Очень вкусно!

– Я старалась, – грустнела невеста. – Так, может, бутерброд с маслом будет ужелишним?

– Нет-нет, – пугался Бордюров, – Лишняя копейка карман не продерёт. Ты просто потолще мажь.

И она толсто мазала, пока он покорно ждал. Теперь он её ждал.

Во времена оны, о которых ответственные летописцы рассуждают с позиции «давно», а особо скрупулёзные обязательно подбавляют «давным», Ангелина получила своё дебютное прозвище Фиалка. Виновником первой очереди являлось одноимённое растение, уже кой год собиравшееся переехать из обветшавшего глиняного жилья куда-нибудь к Югу. Прямых речей никто не слышал, но пурпурные шапочки, плотно прижимавшиеся к стеклу, не оставляли сомнений в твёрдом намерении хрупкого цветка. В почётной роли второпричины выступали редкие, но очень языкастые свидетели. Именно они видели, как жуликоватый ветер день за днём прикарманивает юность беззащитной девушки. Видели хорошо да понимали плохо, почему молодой преподаватель стиховедения Штерн Ангелина Ароновна каждую свободную минутку проводит около фиалки.

Театральное училище, коему на долю выпала ипостась декораций, добросовестно хранило тайну. Поэтому никто, никто, кроме склонного к миграции растения, не догадывался,

что всё дело вот в этом кабинете, отважно взирающем псевдодубовой дверью в заветное окно. Вечер выметал из коридора последнего грезящего о величии студента, а Геля Штерн в угоду неведомым, но очень важным делам, стирала невысокие каблучки о паркет, который помнил шаги ещё молодого Константина Сергеевича. Не то, чтобы выдающийся театральный деятель, прославившийся в простонародье преимущественно своим скептицизмом, ступал именно на сей настил, прямых доказательств тому нет, но рачительный завхоз, оправдывая качество и стоимость уложенного, свято в эту легенду верит. И сколь была сильна вера его, столь быстро стёрлось из памяти собственное авторство мифа.

– А есть ещё майонезик? – поинтересовался Александр, не переставая жевать.

– Есть, утроба ты моя ненасытная, – Ангелина направилась к холодильнику, похрустывая истраченными летам.

Шестьдесят два годика прожили молодые-немолодые. Практически бок о бок. Но так по-разному. Пока заведующий театральной мастерской Александр Александрович Бордюров цвёл щеками и благоухал словесами в присутствии очередной студенточки-недоактриски, Ангелина Ароновна Штерн увядала в компании фиалки и скрипучего коридора, понурился бесцветную голову. Про такой цвет ещё говорят – мышинный. А иногда говорят столь громко, что у беседы просто не получается избежать столкновения со слухом обладателя схожей с грызуном шевелюры. Приходится выжимать из себя какую-нибудь реакцию: сделать вид, что неблагозвучные комментарии пропали без вести, не успев коснуться памяти, или сделать шаг к пресечению на корню.

Кружа сизым голубем по ареалу гнездования косметики, Геля натыкалась на коробочки с тушью, требующей наплевательского отношения, крема с силуэтом балерины, помады «Вырви глаз», флаконы прелестного лака, превращающего мягкие пёрышки в чёрствую гриву. Удостоверившись в отсутствии искомого, Ангелина закончила экскурсию и полетела к соседке по общежитию. Заправская модница и по совместительству передовик марафета, не дослушав бойкие заикания Мышки, выбежала вон и уже через минуту сжимала во вспотевшей ладошке белые таблеточки. Испарина, надо признать, явилась не вследствие скорости, но по причине ожидания. Не секрет, что помимо постановлений, одобренных властью имущими, всегда существовали и существовать намеревались законы, бумагой неоформленные, но при этом в большей степени нуждающиеся в исполнении. Взять хотя бы «За услугу надо платить». Например, той брошкой-павлином, которую надясь Геля Штерн на юбилей коменданта прогуливала.

Завершив обмен, соседки разбрелись по комнатам. Через двадцать две минуты, именно столько понадобилось для поиска единодушия с совестью, ударница нивы макияжа, сверкая попеременно то глазами, то приколотым к сорочке бартером, высунулась оказать посильную помощь. Обезброшенной Геле, смыслящей в красоте как елот в инженерии, оставалось с благодарностью принять и эту инициативу. Таблеточки перекочевали из сомневающихся ладошек в уверенную руку, выскочили из родного блистера, пали в грубый стакан и по окончанию вояжа терпели издевательства толкушки вплоть до момента, пока деревянному изуверу не остались лишь крохи. Покусанная ржой тёрка подбавила струпы хозяйственного мыла. Кривоносенький чайник расщедрился на бывший кипяточек.

– Начнём, – важно молвила соседка, отбросив вспотевшую чёлку в район когда-то существовавшего родничка.

Геля поёжилась. Боязно было, конечно, но очень уж манил образ белокурой дивы, ведь каждая его новая – одна молочней другой.

– Отныне я не серая мышка! – провозгласила Штерн, обернув полотенцем причинное место.

– Как скажешь, – неожиданно милостиво согласилась судьба, как будто в её персональном календаре сегодня числился день рождения Гели.

Через три часа сорок четыре минуты, треть из коих была рекомендована соседкой, остальное продиктовано страстью к надёжности, молодой преподаватель стиховедения наконец освободила влюблённую головушку из махрового заточения. Только подставила окрашенное под едва тёплую струю, как зарёванная ванна, не мешкая, облачилась в фиолетовый.

Уже на следующий день Ангелина Ароновна по обыкновению разминала суставы театрального коридору, сама того не замечая, как перешагивает «В тихом омуте» и перескакивает «Кто бы мог подумать?!». Чего уж там до глубокомысленных кривотолков и завистливых молв, если даже тяготеющий к кочеванию цветок недоумение заставило отвернуть от тлеющего свободой окна пурпурные шапочки. Тогда Геля Штерн во второй раз обрела прозвание Фиалка. Но это значило для неё не более, чем ничего. Главное, её заметил он.

– Ангелочек, ну ты просто превзошла сама себя! – Бордюров со всей мужицкой силою оторвал голодный взгляд от куриной ножки в сырном кляре, сфокусировался на печальном лице невесты и растянул умасленные губы.

Душевно так, без подтекстов и прочих коннотаций. Совсем как в далёком и прекрасном прошлом, когда сердечко стучало аки застигнутый грозой путник, рассчитывающий на спасение в том доме, душа рассыпалась на лепестки, а непреодолимое желание обморока било под колени.

От улыбки завмастерской млели все женщины от мала до велика. Особенно, конечно, надрывались те, которые от мала, но Ангелине обстоятельства сии надежду совершенно не ломали. И даже не карябали. Она однажды всё для себя решила: если не с ним, то и не с кем! Никогда! Пускай он для всех остаётся милашка Сан Саныч, для Гели он всё равно её Боренька....

– Вредно это, Боренька, – вздохнула она, протягивая жениху бутерброд с маслом.

– Не вреднее жизни, Ангел мой! – сиял от предвкушения Бордюров.

А ведь были времена, когда с таким вот сладострастием завмастерской впивался не в кусочек белого, а во вполне себе цельных блондинок-студенток. Не во всех сразу, разумеется, всё ж таки он член Партии, смаковал по одной. И всегда по любви.

– Распушенность и непостоянство, – говаривали злопыхатели.

– Чувство. Высокое чувство! – задыхался пленённый свежей красоткой Бордюров, перепрыгивая ажно через две ступеньки разом.

Он мчался на крыльях любви к любви текущей. Мимо сочувствующих неустроенности и ревнующих к востребованности, мимо скрипучих перил, разломанных стульев, мимо рожаящего побег цветка, мимо фиолетовой головы молодого преподавателя стиховедения. А нога в ногу за ним неслась репутация Казановы и, прости Партия, бабника.

– Ничего не поделаешь, – вздыхала Ангелина, разгоняя танцующую на просвете пыль. – Таков удел всех творческих натур.

Шли годы, ломались судьбы. Взрослели бывшие и молодели нынешние. Партия, подцепив антисоветские настроения, раскашлялась на большой и маленькие осколки. Ныла поясница. Ступеньки под несущими располневшую стать ногами скрипели с особым усердием. Радостно фиолетовый стёрся до тоскливо мышинового.

По училищу, словно опытный эксгибиционист в истёртом о протест плаще, гулял дух демократии. Александр Александрович всё слабее и даже как-то равнодушнее обнимал талию новой музыки. Не столь держал, сколь держался. Вместе с прихотью набежавших годков победоносный настрой кромсали его коллеги, поменявшие местами большинство с меньшинством. Бордюров крайне неохотно принимал выписанный Михалсергеичем крах СССР, морщился, тошнил, сказывалось побочное действие – распад стыда. В отличие от других работников искусства, что беззастенчиво шествовали под ручку со своими фаворитами.

– Эх, не тот союз к развалу привели, – скрипел вставными зубами Александр Александрович вслед главному режиссёру Коромыслову, что минутой ранее тёрся творческими ланитами о щетину будущего кинокумира.

Не хотел Боренька, даже очень боялся, что и в его сердце останется одна единственная женщина по имени Мельпомена. Но и это обстоятельство почему-то не придавало поясам молодых спутниц обжимательной притягательности.

– Я вам помогу, не возражаете? – Геля Штерн, потрянув осереброванными локонами, резво подскочила к завмастерскому, что подобно слепому котёнку, ищущему защитницу-мать, тыкался в замочную скважину кабинета.

Справедливости ради, «котёнок» был ровно до второго подбородка нагружен сценариями и поправками к оным. И, если прибавить возмущение разгулом народовластия, становится ни капли незасорно признать, что Александр Александрович пытался открыть дверь обратной стороной ключа. Нет-нет, это вовсе не происки возраста.

– Не возражаете? – с тревогой переспросила Ангелина у жевавшего молчание Бордюрова.

Обиженные руки отпустили связку и крепче взялись за сценарии. Женские сухие пальчики быстро отыскивали нужный ключ. Дверь, полностью разделяя курс на тишину, беззвучно отворилась.

– Боренька, я тебе вместо сахара в чай медку накапаю, не возражаешь? – Ангелина промокнула финиш трапезы запахом ошпаренной облепихи.

Боренька улыбнулся. Боренька не возражал. С того самого прозаичного момента: ни против ухаживаний, рождённых не его инициативой, ни против того, чтобы отдать ей свои ключи, ни против одной единственной на всю оставшуюся жизнь, ни против женитьбы, ни против Бореньки. Особенно не против Бореньки.

Всё! Баста! Нет больше старого ловеласа Сан Саныча. Хватит уже, пожил своё. Теперь пришёл черёд без полмесяца мужа Александра Александровича Бордюрова. А вот, чтоб и тот пожил своё и желательнее как можно дольше, дюже не охочий до врачей Боренька не возражал и против Центра кардиологии.

Салатовый домик отрешённо ярчил промеж унылого хай-тека. Неуместно цветное здание совершенно не смущали ни задумчивый взгляд некоего мужчины, ни бесстыдно сверкающая на солнце пуговица его жилета, что в одиночку боролась с напирющим животом. Последний представитель московского модерна давно привык тому, что является родителем любого зачатка внимания. По крайней мере на этой улице. А что уж там потом – вызывает интереса меньше прежнего. За своё долгое бытие домик успел забиться впечатлениями по самый чердак.

Однажды, в самом начале века предыдущего, один очень известный архитектор, что награждал каждое своё созидание фирменным знаком, решил в кой-то веки поработать не на заказ, а душевного порыва ради. Возвёл ажно четыре этажа благородного кофейного цвета, ассиметричные по высоте и ширине окна упрятал в причудливые наличники, по фасадам разбросал маскароны упитанных купидонов и женские лица, сомнительной для века нынешнего притягательности. Здание получилось изрядно красивым и оттого сугубо дорогим. Архитектор с каждым взглядом на своё детище неизбежно приходил к мысли, что отсутствие творческих ограничений – это, безусловно, хорошо, но не менее прекрасно было бы иметь материальную конкретику. Душа хоть и термин вдохновляющий, пахнувший мистикой и источающий загадочность, а скольких, казалось бы, не имеющих её индивидов одним своим упоминанием заставляет трепетать?! Однако ж миром правят деньги. Ибо содрогания вполне тривиального желудка – вещь, куда более понятная.

Творческий порыв нарекли Особняком и выставили на продажу. Обречённая изысканной внешностью на богатых владельцев постройка смиренно ждала тех, кто решится добавить к её имени свою фамилию. Спустя пять годиков такой финансовый смельчак нашёлся. Вляпаться в феерию отважился некий предприниматель из сферы текстильной промышленности. Презрев сучившую лапками мелочность, он, не торгуясь, выкупил удовольствие делить с семьёй просторы домика вплоть до Октябрьской революции. А после делить начали уже все и повсеместно.

В бытейнике здания появилась роль клуба для рабочих, затем амбулатория одной дружественной нам страны. После другой. После-после третьей. В какой именно момент из домика выселили всех дипломатов и перекрасили стены в салатовый цвет – сам особняк умалчивает. Люди начитанные поминают его токмо в связке с фамилией бывших дореволюционных владельцев. Граждане, предпочитающие путешествовать по жизни налегке, без лишнего информационного багажа, если и знакомы с домиком, то исключительно в контексте его нового прозвища – ЦеКа.

Александр Александрович Бордюров, более любимый как Боренька, несмотря на своё изрядно обтёсанное жерновами образования прошлое, об особняке и слухом ни слыхивал – ни о его кофейном веке, ни о его салатовой реинкарнации. Вдоволь наглядевшись на самое странное из других, не менее затейливых окон, когда-то опрометчиво невозразивший жених уверенно двинулся ко входу, сопровождая каждый свой шаг вздохами невозражений.

Элегантный вестибюль приветливо трепал волосы хладным дыханием упрятанного в неведомую лепнину кондиционера. Преимущественно жёлтые оттенки внутреннего убранства, подбадриваемые щедрым освещением, не оставляли шанса всяк сюда вошедшему на сразу оглядеться и быстро сориентироваться. Насилу зрительно смирившись с рвущим сетчатку великолепием, Александр Александрович приметил вон там поодаль нишу, оббитую стеклом цвета сырой моркови – той, что в торговых точках числится одновременно мытой и импортной. С того места, где завмастерской пытался не выглядеть дураком, примеченное больно напоминало человеческое лицо. Два симметричных окошка – чисто глаза, правда, левое око, очевидно, уже успело изрядно утомиться нудным видением суматошных видений, посему прикрылось

металлическим веком. Тусклая не то перекладина, не то подоконник – точно стянутый снисходительным недовольством рот.

– Бюро пропусков, – прочавкал Бордюров красующейся на «лбу» ниши надписью.

Не самое приятное яство, однако жизнь сталкивала его и не с таким провиантом. Пока Александр Александрович беззаботно принимал заигрывания прохлады, у рыжего лица образовалась небольшая, но довольно суевливая очередь. Инстинктивное желание присоединиться, что циркулирует по венам каждого социально активного индивида, мягким пенделем сопровождало Бордюрова аккуратно в конец мероприятия.

– К Армяну! – с увесистым акцентом произнёс основатель выстроившейся стаи, сгорбившись у правого «глаза».

– Молодой человек, – явно польстили с той стороны, – Я вам в сотый раз говорю, что армян у нас много! Назовите фамилию.

– Армян он, Армян, – заголосил вожак и тут же робко оглянулся на роптавших последователей.

– Да я, ..., поняла, что не грузин, – там в окне, проглатывая мат, старались как можно мягче выстраивать предложение. – Фамилия у вашего армяна есть?

– Армян!

– Армян....

Объятый любопытством Боренька высунулся из очереди, дабы ознакомиться с источником покорного вздоха. За спиной требовательного «акцента» обнаружилось женское личико, слишком измученное для явной молодости лет. Барышня покусывала тонкие губы, внимательно изучая служебные записи. Чёрный пиджак и водолазка тон в тон делали её похожей на....

– Ну точно – зрачок, – усмехнулся своим мыслям завмастерской, внимательно блюдя ситуацию у «правого глаза». – Зрачок, ей-богу, – он обернулся к другим стайным, но полёт его фантазии разделять никто не собирался. Более того, вон та донья в парике, провалившем тест на естественность, восприняла его улыбку на свой счёт и не в свою пользу.

Барышня в окне, оторвавшись от журнала, строго посмотрела на Бордюрова, и тому ничего не оставалось, как втащить непонятого себя обратно в нежелающую понимать очередь.

– В чём дело? – строго пропищал из неизвестности женский голосок.

– Да больного найти не могу, – устало ответствовала Зрачок.

– Давай я, – в поле зрения равнодушной очереди и заинтригованного Александра Александровича возникла утрамбованная в тёмно-синий сарафан фигурка. – Кого искать? – уточнила обладательница полной аки луна мордашки и красных, будто томатной пастой вымазанных, щёк, отчего её сходство с матрёшкой не терпело сомнений.

– Какого-то армяна.

– Армян, Армян, – радостно закивал чующий положительную развязку Акцент.

Бордюров недовольно поморщился: нет, сразу два зрачка в одном глазу – это слишком даже для воображалы Коромыслова, а того, все в училище знают, маффинами не корми – дай из доброй классики какую нелепицу сотворить. Мол, это, господа, артхаус.

– А что, удобно, – хмыкнул про себя завмастерской. – Не получилась постановка – так это зрители сами виноваты: не увидели глубины. Получилась постановка – им же лучше, меньше себя дураками будут чувствовать. Что ни говори, удачный жанр. Главное, побольше обмакнутых в современность эпитетов, навроде, модерновый, лимитированный и..., – он погрузился в наиглубочайшие воспоминания студенческого жаргона, – И... некаквсешний! – на этом Александр Александрович решил поставить точку, собственно как и на карьере режиссёра Коромыслова. И это уже в который раз.

– Как же мне его найти? – бормотала под нос-кнопку Матрёшка, елозя на стуле. – Фамилия у него есть?

– Армян, – услужливо подсказал предводитель очереди.

Барышня в чёрном, хлопнув себя по лбу, поспешила удалиться.

– Армян, Армян, – словно мантру повторяла Зрачок номер два, – Так вот же он – Армян Гурген Ашотович.

– Армян, Армян, – мужчина от нечаянной радости чуть не лишился акцента.

– Давайте паспорт, сейчас оформлю пропуск, четвёртый этаж, 402 палата, – залепетала Матрёшка, гробя и без того не свежий маникюр о клавиатуру.

– Хм, забавно, – Бордюров пустился было в легковесные раздумья, но тут со скрежетом поднялось соседнее веко, и утомлённая чуждым Армяном стайка хлынула к открывшемуся оку.

Барышне в чёрном переезд в «левый глаз» явно пошёл на пользу: работа спорилась, очередь таяла, Александр Александрович удовлетворённо покачивал шейными позвонками – теперь всё в порядке, каждый зрачок на своём месте.

Правда, зрачки эти совсем друг на друга не похожи: ни цветом, ни формой. Но то ведь издали увидеть возможно. А вблизи видится ровно один из них: смотря в какой окуляр глядеть изволишь, и соответственно про второй, непохожий зрачок, дозволено и не вспоминать. Более того, получится и совсем позабыть – это же как с людьми: вот встречаешь их впервые, тут и о нос кривой взгляд спотыкается, веснушки эти в глазах рябят, а подбородок так вообще главный враг всего прекрасного. И стоит ли говорить о лице в целом? Разве это вообще лицо? Да ну бросьте, сие просто злой пекарь мятым куском теста в никуда швырнул, и оно вон как вышло – в чью-то голову попало и, батюшки святы, прижилось.

Но за первым знакомством волею судеб может потянуться целая вереница встреч и свиданий. Не успеешь опомниться, и вот уже ты, раненный стрелой пухлого Амура, что слетел с фасада салатного домика, готов отдать жизнь за это самое лицо и дать в лицо тому, кто не в состоянии оценить изящество того носа, всю прелесть тех веснушек и небывалую обворожительность того подбородка. Что? Пекарь?! Кто сказал про пекаря?!

– Вы к кому? – повторила барышня, подозревая в замечтавшемся мужчине с блестящими пуговицами на жилете брата по разуму Акцента.

– А? – Бордюров неохотно вынырнул из раздумий. – На консультацию. Я. У меня назначено.

– К кому? – почти перешла на шипение Зрачок номер раз.

– К кому? А у меня записано, сейчас-сейчас.

Александр Александрович принялся похлопывать своё, честно говоря, уже проголодавшееся тельце преимущественно в тех местах, где его одеяние предполагало наличие карманов. На свет электрический выплыла сложенная ровно втрое записка, с которой он величественно продекламировал фамилию врача. Барышня, перебивая скрежет собственных зубов клацаньем по клавиатуре, добросовестно, но больно через силу взялась за исполнение прямых обязанностей.

Завмастерской блаженно позёвывал, ознаменовывая крайнюю степень истощения сытости. Пустой желудок мелодично вторил настроению. Забрав скорее выброшенные, нежели протянутые документы, Бордюров галантно поблагодарил барышню, чья чёрная водолазка, казалось, от пережитого дала седину. Девушка в ответ посчитала необходимым сделать вид, что в сиих чёртовых спасибо она никогда не нуждалась и, очень уверена, нуждаться не будет.

Боренька обернулся тылом к левому оку с нервически подёргивающимся Зрачком и неспешно двинулся прочь. Между указателями «Лифт» и «Лестница» он отважно выбрал первый. Терпеливо выслушал скрипучую иеремиаду кабины и, едва двери оттолкнулись друг от друга, упитанным мотыльком выпорхнул на нужный этаж. Остановившись около указанного в ранее помянутой записке кабинета, Бордюров пригладил особо разблестевшуюся пуговицу, невольно отметив, что он уже, вроде как, успел схуднуть. Несolidно сие для человека его долж-

ности. Эта новомодная стройность совсем ни к чему. Он что, режиссёр Коромыслов какой-нибудь, чтобы на свои одряхлевшие рёбра молоденьких актёров цеплять?

Собравшись с отвращением, Александр Александрович потянулся было к дверному полотну, но неожиданно в проёме показался лик медика, и, если бы не хорошая реакция Бореньки, белый халат непременно получил бы в свой белый лоб этак три стука как минимум.

– Вы ко мне? – доктор мужественно давил испуг, глядя на крепкого незнакомца с рукой, подозрительно согнутой в локте.

– Митрофан Митрофанович? – вежливо осведомился Бордюров.

– Он самый, – хозяин кабинета оттаивал под натиском обворожительной улыбки.

– Тогда к вам!

Врач вернулся восвояси. Александр Александрович, одарив коридор прощальным урчанием желудка, неторопливо шагнул вдогон. И, пожалуй, это были последние, правда, театрал до мозга костей Бордюров истово хотел верить, что непременно крайние – крайние минуты, присыпанные вязкой медлительностью.

Митрофан Митрофанович ловко снял файл с криво отстеплеренных бумаг и ещё быстрее пробежал глазами по оголённым листам. Хмыкнул, причмокнул, откашлялся и, наконец, выудил из кармана телефон. Спустя минуту к собравшимся подскочил невысокий молодой человек. Его буйная растительность, было такое ощущение, покрывала даже халат, который на фоне смоляной бороды и кучерявой грудины не казался таким уж и белым.

Александр Александрович не преминул про себя отметить, насколько гость различается с хозяином: от Митрофана Митрофановича разило холённостью за версту и манерностью за тысячу ярдов, тогда как вошедший мог похвастаться лишь аурой дешёвого табака. Однако, едва завмастерской перешёл к возможным причинам сих расхождений, как его собственная судьба подверглась ускоренной перемотке.

Бородатый врач, обозванный Ильёй Ильичом, выслушав полушёпотом сказанные наставления, подхватил примятого раздумьями Бордюрова и нежно выволок из кабинета. Укушенный рассеянностью завмастерской не заметил, как его тело прошлёпало в конец коридора. Дверь, маленького росточка дивчина, тут же напялившая улыбку при виде Ильи Ильича, весьма жёсткий стул и манжет на предплечье.

– Не разговаривайте! – цыкнула медсестра на открывшего было рот Бореньку.

Тот послушно проглотил желавший вырваться комплемент. Оставшиеся без невероятно оригинальной похвалы серьги продолжили мерно покачиваться в ушах.

– Сто пятьдесят на девяносто. Пульс девяносто пять, – застряло в голове Александр Александровича, уволакиваемого Ильёй Ильичом в неизвестном направлении.

Вновь коридор, на который дизайнер явно пожалел красок, череда идентичных дверей, разномастные посетители и одинаково белый персонал.

– Раздевайтесь, – услышал Бордюров, едва его втолкнули в заставленный непонятными приборами кабинет.

– Полностью? – отчего-то стусевался театрал.

– По пояс. Носки снять. Брюки закатать.

Не успел завмастерской как следует ухватиться за особо блестящую пуговицу жилета, как чьи-то добрые и сильные руки привели отзвучавший приказ в исполнение. Нехотя укладываясь на колющую морозом кушетку, Боренька пытался разобраться, чего ж в этих руках было больше – доброты или силы? Но едва консенсус приблизился к порогу осознания, как те сами спорные конечности с доброй силой передислоцировали Александра Александровича вместе с его раздумьями на каталку. Противно накрахмаленная простынь улеглась сверху. Сильно добрые руки взяли за что-то у изголовья, и надоевший коридор предстал перед Боренькой с иного ракурса.

Опять разномастные посетители и одинаково белый персонал. Снова идентичные двери, в хаотичном порядке впускающие примятого крахмалом Бордюрова. Писк неопознанных приборов. Трескотня, перепачканная нежующимися терминами. Шёпот незнакомцев. Шорох халатов. Шелест бумаг. Ш-ш-ш... Да когда же вы все наконец заткнётесь?!

– Так и катался я, Ангел мой, до самого вечера! – повествовал в трубку мобильного Александр Александрович, дожёвывая бутерброд с мягким сыром на освещённой уличном фонарём койке.

– Ужас какой, Боренька! – изумлялась посреди кухни Ангелина Ароновна. – Это ж ты целый день ничего не ел?

– Ни маковой росинки! – подтверждал жених, урча переполненным желудком. – Но это пустяки, – он геройски смахнул крошки с губ. – Врач мне вообще сказала, что надобно бы похудеть. Немножечко.

– Сказала? А Митрофан Митрофанович?

– Митрофан Митрофанович? – Бордюров призадумался, неоднозначно кося правым глазом на стаканчик земляничного творожка. – Нет, он, вроде, ничего такого мне не говорил.

– Я спрашиваю, почему не он твой врач? – терпеливо разъясняла Ангелина, морщась от уколов досады.

В районе грудины, там, хорошо внутри, некто приступил к ремонту: небрежно содрал распластавшийся по стене ещё в прошлом веке ковёр и вот уже поглядывает на любимые обои в до боли пошлый цветочек. Аведь пред сброшенным творением заслуженного ткача даже моль в молитве лапки складывает. Эдак неизвестный деятель и до того гарнитура доберётся, что распад Чехословакии пережил. Не трожь, собака! Это всё моё. Моё! Косое, уродливое, переваренное временем, но моё!!

– Так и Митрофан Митрофанович тоже мой врач, – радостно оповестил Александр Александрович, облизывая затисканную йогуртом ложечку. – Будет меня оперировать. Он же хирург. Ты не знала?

– Не знала, – у сдавленного ревностью горла не получилось сказать громко. – Я тебе звонила. Целый день.

– Так я не слышал, Ангел мой! Да и некогда мне было. Говорю же, как меня взяли в оборот, так только сейчас и отпустили. До сих пор голова кругом!

– Это у тебя от голода, – понимающе вздохнула невеста.

– И я сразу тебе звонить, – Боренька удовлетворительно смял пустой стаканчик, от которого всё ещё соблазнительно веяло земляничкой. – Только в магазин сбегал за перекусом и тут же тебе набрал. Ужин-то мне ещё не положен. Официально я здесь только с завтрашнего дня.

– Да-да, – Ангелину Ароновну больно куснуло чувство вины, – Как обследование? Что врач сказал?

– Сказала, что стентами дело не решить. Будут шунты ставить.

– Боже мой, всё так плохо? – если бы не малые габариты кухни и не на своём месте стоящая табуретка, испуганная невеста непременно плюхнулась бы на пол.

– Почему плохо? – распаялся энтузиазмом жених, шебурша изумрудным пакетиком грильяжа. – Всё очень даже хо-ро-шо.

– Но стенты, шунты, – Ангелина Ароновна пыталась прорваться сквозь раздражающий шелест. – Как будто ты для них и не человек вовсе, а робот какой-то.

Завмастерской добродушно ухмыльнулся, сдавил неродными коренными ореховую массу и, поудобнее устроившись на обмоченной фонарём койке, пустился в интерпретацию услышанного от медиков. Декламация воспоминаний давалась Бордюрову с трудом из-за прилипшей ко рту улыбке. Новоявленный пациент, едва совладав с аппетитом, оказался беспомощен супротив воли уголков губ, норовящих зацепиться за ушные мочки.

Александр Александрович самым безответственным образом прошляпил час, когда ЦеКа откусил знатный ломоть от его приязни. А, может, то была минута, потому и не столь

совестно? Или вообще секунда. Всего миг! Когда время с колоссальным отрывом опережает мысли. И для преуменьшения срама от безрадостного участия в гонке нужно не думать – сразу делать. Тогда вылупляется шанс избежать позорного позора а, ежели в скорлупке хорошо покопаться, можно отыскать намёк на крохотную кроху собственно лидерства.

Хитрый домик облапошил Бореньку, а ведь работник искусства ещё днём готов был поклясться на самом дорогом из ближнего магазина – на нарезке якобы швейцарского сыра, что никогда, даже на смертном одре, он не проникнется симпатией к сей богадельне. Но особняк цвета неопознанного салата вдруг прекратил казаться столь отвратительным. Просто-напросто взял и завязал, точь-в-точь театральный осветитель Сергей Сергеевич. Решительно так, бескомпромиссно, раз и навсегда. Поступок палача тьмы справедливо претендовал на звание подвига, несмолкаемые аплодисменты и толстые рулоны поклонников, изгвазданные сердечным обожанием и не менее честной завистью. В общем, сулил пожизненные честь и хвалу повелителю софитов, если бы не одно но. Локомотив с благим деянием путешествовал по миру ровно сутки, вплоть до станции Юбилей гардеробщика Крючкова. Но та срамная история прошла мимо восплававшего любовью к ЦеКа Бордюрова.

Болтая попеременно то в трубку, то обносоченными по самые колени ногами, завмастерской наслаждался больничной атмосферой. Наверное, она напоминала ему театр: перемешанный с нафталином аромат интриги, базовые нотки корвалола и бутербродов с колбасой, подёргивающиеся во имя энергосбережения лампочки, заискивания люда – преимущественно коллег рангом ниже, предпочтительно женского пола. Бордюров млеет. Публика таяла, будто сахар в кипятке. А глюкозу Александр Александрович уважал не меньше подмостков, причём во всех её проявлениях: будь то бублик ванильный или плитка шоколада, карамельные леденцы или земляничный творожок.

– Изабелла Игоревна, – представилась леди, последний кабинет которой вынужденно посетил Боренька.

– Ваш лечащий врач, – пояснил Илья Ильич, искренне желавший поскорее раскланяться.

Женщина лет сорока по паспорту и не более восемнадцати по заверениям мужчин уже потушила свет в своей рабочей обители, но уйти домой вовремя ей так и не удалось. Кивком головы она дала вольную Илье Ильичу и еле слышно вдохнула вечер из распахнутого окна.

– Присаживайтесь, – врач рассеянно махнула хрупкой кистью в сторону, где точно должен был стоять стул.

Улица невыносимо пахла свободой, манила остывшим ветром и липкими криками счастливых гуляк. Видимость загоралась, будто некий Сергей Сергеевич по очереди поднимал нужные рубильники. Сначала вспыхнула неон вывеска магазина дорожных духов. Изабелла знала их прайс практически наизусть – во всём виновата её страсть к ароматам. Затем по одному взялись окошки жилого дома: единственного в своём роде, ведь как бы ни старались потенциальные покупатели от государства, реальные жильцы из народа не спешили менять своё кровное имущество в центре на «все удобства и пять минут до метро» в новой Москве. Воспламенилась череда фонарей, и вся их дневная невыразительность канула в небытие. Напоследок запахнув поглубже в лёгкие такую близкую, но недоступную реальность, Изабелла отвернулась от окна и, стянув прозрачную резинку с запястья, принялась собирать волосы в хвост.

Медовые волосы.

– Александр Александрович, – зачем-то представился замороженный Бордюров.

Волосы цвета кипрейного мёда.

– Заведующий мастерской театрального училища имени... – позабыв очень важное, как ему это всегда виделось, продолжение без полмесяца муж непроизвольно облизнулся и застыл.

Изабелла Игоревна припрятала тоску в улыбке, уселась на рабочий трон и погрузилась в оставленные Ильёй Ильичом бумаги, от коих больше веяло подброшенностью. С каждым

исписанным листом её губы возвращались в привычное для наших людей положение. Достигнув полного отсутствия радости, врач сложила на столе руки крышей домика и наконец-то назвала Бордюрова по имени.

Далее последовали менее приятные вещи для заведующего мастерской театрального училища имени неозвученного деятеля. Изабелла Игоревна медовым голосом вкуса липового цвета рассказала о результатах обследований, в ходе которых было выявлено, что коронарные артерии Бореньки сужены более чем на 80%.

Оказывается, трудности с пешими прогулками по лестнице, в простонародье именуемые отдышкой, это вовсе не весомость прожитых лет и даже не просто вес, на избыток коего пеняла Ангелина. Редкие, но всё одно беспокоящие боли в левой части грудины – совсем не от трудов нервовыматывающих. А высокое давление, упоминаемое в поликлиниках как гипертония, вообще не реакция творческой души на погодные перемены. Это всё мерзейший холестерин, до того изгадивший атеросклеротическими бляшками сердечные артерии, что малоинвазивными...

– Простите, какими? – Александр Александрович оборвал внутренний монолог, услышав прелестнейшее словечко.

– Щадящими.

...щадящими методами обойтись уж никак не получится. Вот если бы атеросклероз угваждал сосуды своими закупорками лишь процентов на сорок, ну пусть на пятьдесят, то в таком, с позволения сказать, прекрасном случае возможно было бы прибегнуть к стентированию.

– К чему, простите? – завмастерской снова вынырнул из пучины осмысливания.

– Стентирование.

В суженную холестериновыми бугорками артерию помещают специальный расширитель – коронарный стент. Против мощного атеросклероза этому тонкому металлическому протезу, похожему на свёрнутую в цилиндр сетку, конечно, не выстоять, но придавить бляшки, увеличить сосудистый просвет и возобновить достаточный приток крови к сердцу – это пожалуйста. Если короче, чем вкратце – анестезия, прокол в области паховой или бедренной артерии, введение стента, наложение шва. Вот и вся операция, выжимающая из минимума травматичности максимум пользы: по крайней мере на несколько лет про кислородное голодание, именуемое ишемией, и про некроз сердечной мышцы, более известный как инфаркт, можно позабыть.

– Уму непостижимо, – искренне восхитился Бордюров.

Ещё искреннее, что называется, от чистого, умученного атеросклерозом сердца Александр Александрович завидовал левой руке Изабеллы Игоревны. Почти прозрачная кисть во время красивого, пусть и местами непонятного рассказа касалась тонкими пальцами то длинных ресниц, уставших за день от туши, то мягких губ, изнывающих от множества слов, то бледных скул, тоскующих по ветреной улице. Как будто этими краткими поглаживаниями почти прозрачная рука пыталась успокоить свою хозяйку, помочь смириться с неизбежным или просто искала повод лишний раз дотронуться до кожи. Медовой кожи. Цвета малинового мёда.

– Но это не наш с вами случай, – всё это время сжимавшая карандаш правая рука Изабеллы Игоревны постучала оным по столу.

– Не наш? – завмастерской мужественно сражался с вероломно напавшим желанием ответить чего-нибудь малинового.

Врач легонько покачала головой. Бордюров сглотнул слюну, предательски затопившую ротовую полость. Улица смолкла, и на кабинет обрушился неслышанный ранее термин:

– Шунтирование!

Пациентам, чьи кровеносные сосуды закупорены более, чем на 50 процентов, малоинвазивное...

– ?

...щающееся стентирование – что слепому бусы: все всё видят, а ему, бедолаге, от этого нелегче. Но однажды давшие клятву Гиппократу не сдаются даже в морге. И для холестеринных олигархов кое-что придумали. А именно: аортокоронарное шунтирование. Или АКЭШа – это если в целях экономии вербалики. Когда знакомым сетчатым расширителем ситуацию кардинально, увы, не исправить, на помощь приходят шунты. Причём приходят не откуда-нибудь, а из самого пациента.

– Тут никаких тебе металлических протезов, неизвестно кем состряпанных, – Александр Александрович фонтанировал воодушевлением в трубку. – Только всё своё, родное.

– Батюшки, – единственно, что смогла выдать Ангелина Ароновна, беспомощно оглядывая немую кухню.

– И стенты эти – это ведь что такое? – распался жених.

– Что? – взаимно вспыхивала невеста.

– Баловство это, Ангел мой, и ничего более! К тому же, – Бордюров с интересом косился на полуразобранный пакет из магазина, – Ещё неизвестно, сколько та конструкция прослужит. Может, всю жизнь, а, может, всего год, – выглядывающий из целлофана початый батон белого невозможно сбивал с толку.

– Только год? – чуть не плакала Ангелина Ароновна.

– И мы решили, – Боренька героически отодрал взгляд от сваленных покупок, – Что мне нужно шунтирование.

– Мы? – горько переспросили в кухне.

– И? – не расслышали в палате. – И ничего сложного: разрежут грудину, потом возьмут шунт – это будет мой собственный кровеносный сосудик, добытый из ноги или из руки....

– О, Господи....

– ...Один конец его прикрепят к аорте, а другой соединят с коронарной артерией в обход закупоренного участка....

– И? – умоляюще вскрикнула невеста: она погибала в каждую паузу невыносимой смерти и оживала, едва любимый голос звучал.

– И..., – жених одним челюстным махом разорвал упаковку нарезанного карбоната, – Сердце запустят, – шваркнул розовым куском на мякоть белого, – Грудину скрепят металлическими скобами, – с характерным звуком сверху прыснула томатная жижа, – Кожу зашьют, и я как новенький!

– Что значит – «сердце запустят»? Как это – «грудину скрепят»? Тебя что, Боренька, будут резать? – не на шутку разволновалась Ангелина Ароновна, хотя со стороны могло показаться, что одинокая дама развлечения ради пытается запихнуть телефонную трубку в раскрасневшуюся ушную раковину.

– Ну, конечно, будут, – засмеялся Александр Александрович, громя зубами хлебо-мясо-томатное сооружение, – Обычная полостная операция.

– А сердце? Ты мне не ответил, что с сердцем?

– Да нормально всё с сердцем, не болит. Чувствую себя....

– Да я слышу, как ты себя чувствуешь, – негодовала на чавкающего жениха невеста, которой кусок не то, что в горло – в голову не полез бы. – Тебе сердце будут останавливать?

– Пока не знаю, Ангел мой. Врач ещё не решила, – завмастерской твёрдой рукой смахнул с упитанных колен то, что потерял дырявый рот.

– Не решила? – одинокую кухню шваркнуло женским визгом. – А с каких пор она распоряжается твоим сердцем?

– Ангелочек, – примирительно начал Бордюров, – Не переживай ты так, всё у меня хорошо. Ты же завтра приедешь?

– Приеду....

– Вот сама и спросишь. А ты во сколько приедешь?

– Во сколько можно?

– Пока с трёх до восьми. Зато после операции – в любое время!

– Господи! – Ангелину Ароновну словно кто по седому темечку неожиданно ладошкой саданул. – А операцию-то на когда назначили?

– Денька через два-три, – умаянный пищей Александр Александрович, растекшись по запровавленной койке, отрешённо уставился в сумрачный потолок. – Скучно здесь, Ангелуся, один я в палате как сыч.

– Так тебя только положили, – засмеялась невеста, – А он уж соскучиться успел!

– А я без тебя всегда скучаю, – замурчал жених, переваливаясь на особо урчащий бочок.

– Тебе одноместную палату дали? Это, наверно, дорого?

– Двухместную, – завмастерской вернулся на спину, – Сосед на операции, говорили, послезавтра привезут.

– Ну вот, – повеселела Ангелина, – Дай Бог, чтоб человек хороший оказался. И я приезжать буду! Скучать не придётся!

– Ага, – пространно согласился Бордюров, слипаясь глазами.

Про особенности реабилитации перенесших шунтирование он решил любимой не докладывать. Чего раньше времени волновать? Да и не так всё и сложно, если верить Изабелле Игоревне. А чего ей не верить? Ей. Её медовому голосу. Подумаешь, денёк в реанимации, денёк в палате исключительно лёжа с катетером и капельницами в обнимку.

– Мы вас на ноги быстро поставим! – усмехнулась медовая врач, подразумевая то, что играть в бедного больного Бореньке никто тут не позволит. – Движение – жизнь! – заключила она, выпроваживая его из кабинета, а себя домой.

– Движение! Жизнь! – соглашался придавливаемый дрёмой Александр Александрович, воображая, как он после операции будет резво носиться по ступенькам театрального училища.

Возможно, на радостях он даже наградит щелбаном неприлично гладкий для его возраста лоб зазнайки Коромыслова. И тут же убежит! Перепрыгивая через три, а, может, и через пять ступенек разом.

Прытко вечерело. Будто миска с темной опрокинулась на город. Мгла капала с крыш домов, стекая по обшарпанным стенам в огромную бетонную лужу. Ангелина Ароновна, задумчиво размахивая опустошенными сумками, шла по направлению к красной букровке «М». Гляделось отчего-то только себе под ноги: наверное, за день глаза слишком устали от испачканных эмоциями лиц, посему невыразительный асфальт составлял приятную отдушину. А, может, сыграло роль то, что за последние три дня эта дорога от салатного ЦеКа из хорошо знакомой превратилась в невыносимо узнаваемую. Тут мало того, что с закрытыми очами можно добраться, здесь в принципе, ежели не пускаться в самолукство, ни ноги бы не шли, ни глаза б не смотрели.

Митрофан Митрофанович с датой операции определяться не спешил. Скорее всего, рассчитывал спихнуть не такого уж и важного театрального деятеля, каким ему виделся Александр Александрович, на дебютанта от хирургии Илью Ильича. Мол, надо же с чего-то начинать. Ангелина Ароновна, как и подобает людям, которые во всяких шумных компаниях незамедлительно впадают в немногословие, целиком отдаваясь наблюдениям, подобные обстоятельства прочитывала на раз-два. Посему, дабы не гулять вокруг да около, улучшив момент, произвела точный выстрел в холёное лицо:

– Сколько?

– С нашим прејскурантом, – Митрофан Митрофанович шумно сглотнул неловкость, – Вы можете ознакомиться на сайте Центра Кардиологии. Или, – врач посмотрел на уставшее немолодое лицо, – Попросите распечатку на первом этаже в Бюро пропусков.

– Сколько будет стоить операция в вашем исполнении? – без тени смущения пояснила Штерн.

Застланные голубыми линзами глаза сощурились. Объятая белым ситцем рука потянулась к склеенным листочкам. Благообразные пальчики, сверкнув прозрачным лаком, обхватили золотистую ручку. Тонкое как лезвие перо скорее голубым, чем синим, скрупулёзно вывело ровно шесть цифр. Сама сумма являлась не совсем ровной, но рождена она была ровно шестью знаками.

Ангелина ясно видела то число, будто сие и не отрешённый асфальт под ногами простирался, а сенсорный экран, по которому без конца демонстрировались лоскуты прошлого. Она даже опять кивнула, словно её седая голова не под мрачным небом, а пред холёным лицом, не скрывающим вопросительности.

– Договорились, – томно улыбнулся Митрофан Митрофанович. – Тогда ждите, когда у меня появится окошко. Деньги после операции.

– Почему после? – зачем-то спросила та, у которой на руках не было и половины очерченной суммы.

– Так принято, – мягко пояснил врач.

– Тогда мы можем ехать домой? – встрепенулась Штерн, мысленно перебирая содержимое холодильника.

– Вы – да, – несколько царственно произнёс собеседник, – А ваш муж пусть пока останется у нас. Пройдёт обследования, сдаст анализы, а там и я освобожусь.

– Так он же уже сдавал... анализы.

– Ну, милая моя, в нашем деле этого добра много не бывает.

Он снова улыбнулся. Она впервые так громко попрощалась и вышла. Наверное, голос старался перекричать мысли. Но не смог. Она совсем забыла спросить про сердце Бореньки: будет ли оно так же биться во время операции или... Или бесконечно страшно допускать даже в мозг. Тем паче что сейчас там занято – там поселилась загадка:

– Где же мне найти такие деньги?

Добравшись до дома, невеста, упав на гостевой диван, из последних сил не давала себе упасть духом.

– Бриллианты эти продам! – осенило ту, что к доставшимся от бабушки драгоценностям не пылала ни любовью, ни страстью.

Жалость, конечно, присутствовала, всё ж таки семейная ценность. Однако в сравнении с ценностью своей будущей семьи пусть дорогие, но всё одно побрякушки, явно проигрывали. Успокоившись мыслями, Ангелина Ароновна, сама того не заметив, успокоилась телом. На том гостевом диване, даже не раздевшись. Так затрапезно день первый, изуродованный отсутствием Бореньки, переехал в день второй.

Вечер лениво сползал с небосклона. Прохожие спешили поскорее запрыгнуть в метро, чтобы там, в спальнице свежести, истово мечтать о свободе. В рое осмысленных торопыг протяжно передвигалась неприглядная женская фигура, скомканная в бежевый плащ. Словно кто посреди танцпола, тошнившегося очень современной музыкой, включил старый добрый романс. И как бы ни была талантлива и где-то даже красива мелодия, ей не удастся изменить актуальность.

– Да что вы, какое по чуть-чуть? – засмеялась Изабелла Игоревна, на корню срубая надежды Бореньки на глоток шампанского в честь бракосочетания. – После операции вы будете пожизненно принимать лекарства, которые абсолютно не сочетаются с алкоголем.

– Пожизненно? – округлила глазки Ангелина Ароновна.

– Совсем-совсем не сочетаются? – надул губки Александр Александрович.

– Совсем не сочетаются, – медово улыбнулась врач.

Без двух недель жена крепко сжала пластмассовые ручки опустошенных авосек. Совсем не злило, что на её вопрос Изабелла Игоревна так и не ответила. Вызывало негодование то обстоятельство, что теперь она снова невеста с неизвестной датой выданья. Ведь тогда очень неприятно раскрылись подробности реабилитации, смеющейся простираться аж до полугода.

– Три месяца так точно, – подбодрила Изабелла Игоревна, раздражающе скалясь.

– Три месяца?! – выдохнула Ангелина Ароновна.

– Три месяца, – протянул Александр Александрович. – А есть мне что-то можно будет, кроме таблеток?

Медовая врач оглушила кабинет звонким хохотом. И не сколь громок был её смех, сколь уничижителен. Геля Штерн не помнила, как распрощалась с женихом и его «докторшей». И прощалась ли? Разгадал ли Боренька в её холодном «позвони, что привезти» горячее желание новой встречи?

Сильно-сильно хотелось домой. Только прям сейчас и обязательно сразу: минуя выброшенную мостом лестницу и монотонный переход до спуска, сопровождаемый благоуханием и благозвучием несущихся авто. Особенно мечталось избежать истоптанного людьми подземелья. Сразу оказаться дома. Это же так просто? Лечь на гостевой диван, кровать без Бореньки совершенно не располагала. Не раздеваясь – силы исчерпали себя ещё на этапе «лечь, закрыть глаза и не думать о ней, думая о нём».

Вчера с трудом покрывлось коростой дня текущего. В родном училище перестали спрашивать о завмастерском, в ближайшем магазине позабыли удивляться смиренной женщине с непомерными баулами съедобных покупок. Боренька как будто был меньше рад свиданию: его руки обнимали не так долго, его губы целовали только щёку, его голос посоветовал не приходить так часто, потому как «и здесь неплохо кормят».

Её голова согласно кивнула. Её глаза погасила грусть. Её ноги давно должны были лежать на гостевом диване, но ещё даже не добрались до моста. И, вроде, идти совсем недалеко, но то ли медленно шлось, то ли к вечеру навязчиво знакомую дорогу растоптали другие прохожие. Прохожие, что спешили домой в одиночку или под ручку с другими торопыгами. Прохожие,

что наверняка сядут пить горячий чай после не менее горячего ужина и перед не такой горячей ванной. Прохожие... Ангелина Ароновна, задумчиво размахивая опустошенными авоськами, горько выдохнула в отрешённый асфальт.

Шёл третий день жития в Центре Кардиологии, а Александр Александрович пока так и не придумал, как бы прикончить её отчество. Завтрак тщательно переваривался в обед, тот в свою очередь столь же старательно обжёвывался в полдник, и вот уж Ангелина принесла что-то вкусненькое. По крайней мере, завмастерской очень в это верил, ведь здешний буфет ещё на этапе меню безжалостно хоронил голод вместе с чаением наесть лишние килограммы или хоть сколько-нибудь наестся. В момент уничтожив принесённое, Бордюров как на голгофу плёлся давиться подносимым.

О пропусках принятия пищи и речи не шло – Изабелла твёрдо наказала питаться в буфете. Впрочем, о слове «исключительно» исполнительный Бордюров как-то сразу позабыл. Но это досадная оплошность, а так всё, что было вымазано её медовым голосом, накрепко приклеивалось к памяти. И оттуда стекало в сердце. И даже чуть-чуть перепало желудку. Становилось так липко нежно и приятно мягко, будто кто-то обронил в чрево полную баночку приторного янтаря. Хотя почему «кто-то»?

Она, единственно она заставляла ликовать душу вопреки изнывающим ожиданиям операции и смывающим голод ароматам буфета. Всякий невзначайный разговор вселял в Александра Александровича прекрасное чувство сытой наполненности. А что с ним творилось во время запланированных бесед?! Правда, то всё в присутствии Ангелины, а с ней Боренька начал жить не вчера, посему её неодобрение полноты и сытости большим сюрпризом не явилось. То же касается и неумения Гели держать себя в интеллигентном свете. Всё ж таки мало числиться в театральном училище, надо ещё и соответствующее Мельпомене нутро иметь.

– Митрофан Митрофанович сказал, что тебе лучше пока побыть здесь, – как можно хладнокровнее произнесла невеста в первый день своего посещения. – Когда операция – пока неизвестно, но я договорилась, он тебя возьмёт. Здорово, правда? – постаралась она подбодрить того, кто уже успел разделить одиночество в палате с баночкой лечо.

– Да, Ангел мой, – скорее по необходимости согласился Бордюров, соскребая рассудок с вымазанного помидорками дна.

– Я думала, тебе этого всего, – Ангелина Ароновна со смехом махнула рукой в сторону варварски опустошенных авосек, – На неделю хватит, а ты уже вон – даже перчики уговорил.

– Долго ли умеючи? – подхватил весёлый настрой Александр Александрович.

– Ладно, завтра всё равно приехать хотела. Что тебе привезти? – устало поинтересовалась невеста, собирая остатки гостинцев.

– Я тебе напишу, – промурлыкал жених, наблюдая, как чудом выжившая пачка кокосового печенья перекочёвывает в тумбочку.

– Проводишь меня?

Бордюров изобразил боевую готовность и, взяв не менее боевую подругу за талию, направил их тандем строго на выход. За шутками собственного приготовления он не сразу разглядел в редкой стайке посетителей, ожидающих лифтовую кабину, её. Изабелла Игоревна, небрежно сжимая смартфон в руках, то будила мобильного бедолагу, то снова заставляла уснуть. С головой погрязнув в юмористических заметках о прошлом, завмастерской очнулся, когда её медовый голос, приправленный строгими нотками, требовательно спросил:

– Александр, что это у вас вот здесь? – Изабелла Игоревна пристально смотрела Бордюрову в область между первым и вторым подбородками.

– Где? – спохватилась Ангелина Ароновна. – Ах это! Это кетчуп, – пояснила она и, смочив в слюне палец, приступила к ликвидации последствий общения с лечо.

И ведь невеста не просто у всех на глазах истово тёрла пятно, как будто вообще возможно слюной отмыть репутацию. Она ещё и приговаривала что-то на вроде «запачкался» и, кажется,

«поросёнок». Самое страшное, что не кажется! Оно ведь так и было. И этот «кетчуп»? Ну почему кетчуп? Разве не прозрачно, что заведующему мастерской театрального училища не можно пачкаться в кетчупе?! Ладно бы икра, и то если чёрная. Мидии, тартар, консоме... Что там ещё подавали на юбилее у Коромыслова?

– Кетчуп?! – изумила медовые брови Изабелла Игоревна. – Вы что? – в её глазах сверкнула ярость, – Не понимаете, где он лежит? Для вас слово "шунтирование" – это что-то сродни обёртыванию? Вы вообще представляете, насколько серьёзная операция предстоит вашему другу? Чтобы больше никаких кетчупов, майонезов и прочей мещанской дряни! – медово взвизгнула врач и скрылась в кабине прибывшего лифта.

Растоптанной Штерн места уже не нашлось. А она и не искала. Как не нашлось места этому эпизоду в её мыслях. И она и не искала. Видно было, что ей невообразимо совестно. Незаметно стало, что её седая голова кручинится совсем о другом.

На завтра она вновь явилась с полными сумками, но уже без томатов в каком бы то ни было виде. Бордюров, через силу переступая пищевое любопытство, таки повёл любимую на свидание с врачом. Было назначено. Ему. Но и Ангелина пускай послушает: лучше уж она что-то непонятное переспросит, чем он молча не поймёт.

– Три месяца? – воскликнула невеста, пересохшими губами хватая воздух, перетруженными руками хватаясь за сердце.

Удушающая тишина отвесила оплеуху удрученной непросвещённости. Остроумный Боренька пикантно отшутился. Медовая Изабелла сладко рассмеялась. Кислолицая Геля жирно покраснела. На жгучий вопрос постно наплевали.

Врач махнула рукой, отогнав назойливое веселье, прокашлялась скорее для проформы, чем кончины першения ради, и, дав паузе немного освоиться, перешла к вопросам насущным. Из её укутанных в медовый сопрано предложений стоящие одной ногой в свадьбе вынужденно уяснили, что вторую конечность следует оставить в покое. Однако это не повод с головой нырять в отчаяние. В крайнем случае, если так уж хочется, можно слегка ноженьки помочить, чисто мысочком так раз и быстро отдёргнуть. Ибо всяко лучше поздно обменяться кольцами, чем рано соединиться сердцами на небесах. Тем паче, что чем, собственно, ЦеКа не ЗАГС? Да только тем, что браки здесь не заключают, а нейтрализуют: планоно, аккуратно и с огромной надеждой на благоприятный исход. А в остальном та же свадьба, даже тамада будет. Эта роль выпала Изабелле Игоревне волею главврача вместе с честью вести пациента Бордюрова до конца, в идеале – победного. Застолье – тоже пожалуйста, как только Митрофан Митрофанович освободится, так и милости просим. Куда? Так в операционную же ж, за стол. В смысле он за, а жених – на. И о меню волноваться не нужно: зачем переживать, ежели нельзя жевать?! Особливо за восемь часов до мероприятия. Нет, никак нельзя. Совсем нельзя. А ближе к делу невозможно будет и жажду утолить. Да, ничем. Совсем ничем. Кроме, разве что, Кружки Эсмарха. Зато гарантируется бритъё, наркоз, лимузин модели каталка и куча свидетелей. Главное, все сплошь люди приличные, с высшим медицинским образованием. В общем, не извольте беспокоиться, анестезия, кислород и бережное отношение прилагаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.